

**АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы**
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 319

18 декабря 2025 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя Н., адвоката К., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Н. от 15 февраля 20.. года (вх. № ... от 20.02.20..) в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 19 ноября 2025 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниями пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Н., выразившемся в о том, что, согласовав с доверителем Н. в устной форме вознаграждение за осуществление защиты ее сына Не. на стадии предварительного расследования в размере 6 000 000 рублей, 22 января 20.. года он получил от нее указанную сумму полностью, при этом заключил с Н. в письменной форме Соглашение об оказании юридической помощи № ... от 22 января 20... года, в п. 3.1 которого указал, что гонорар адвоката, являющийся вознаграждением за оказание юридической помощи по Соглашению сторон, устанавливается в размере 20 000 рублей в месяц, а также выдал Н. квитанцию к приходному кассовому ордеру № ... от 22 января 20... года на сумму 120 000 рублей в качестве оплаты ею вознаграждения адвоката за 6 месяцев работы и расписку о получении 5 880 000 рублей, не внеся указанную сумму в кассу адвокатского образования;

2) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Н., выразившемся в том, что, заключив с Н. 22 января 20.. года соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее осуществление им защиты Не. по уголовному делу №..., находящемуся в производстве СУ УМВД России по городскому округу Х. Московской области, на стадии предварительного расследования, адвокат К. самоустранился от его защиты, перепоручив защиту доверителя Не. в период времени с ... года по ... года адвокату Адвокатского бюро «Ю.» Д., без оформления Дополнительного соглашения к ранее заключенному Соглашению № ... от 22 января 20... года, а затем и адвокатам До. и Ки., не являющимся партнерами Адвокатского бюро «Ю.»;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе Н. от 15 февраля 20.. года (вх. № ... от 20.02.20..), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Н. в заседании Совета подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщила, что была в офисе адвоката К. со свидетелем – ее другом, в присутствии которого адвокат К. лично передал ей 3 000 000 рублей и дал ей расписаться, что она получила эти 3 000 000 рублей. Так и появилась «Расписка о возврате денежных средств» от 10 сентября 20... года. Она не помнит точную дату этой встречи, но это было уже после того, как ее сын Не. был осужден в июне 20... года. Адвокат К. обещал вернуть ей все деньги, но потом сам принес эту расписку в Адвокатскую палату города Москвы. Она очень надеялась, что адвокат К. поможет в деле ее сына, но потом начала понимать, что на самом деле ее обманывают. Поэтому считает, что адвоката К. нужно наказать так, чтобы в дальнейшем он не обманывал людей, то есть лишить его адвокатского статуса.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и очень внимательное ознакомление с ним, с выводами Комиссии полностью согласился. Отвечая на вопросы членов Совета, утверждал, что «Расписка о получении денежных средств» от 22 января 20.. года составлялась с его ведома и с его участием, и он не может подтвердить версию, изложенную в данной расписке. Осознает, что допустил ряд ошибок, связанных с «управленческой осмотрительностью», и они повлекли за собой невозможность «исполнения финансовой дисциплины». Но денег Н. он в руках не держал. Тем не менее, он, осознавая свою ответственность, почти два года пытается вернуть деньги Н. Ему известен круг лиц, которые использовали ситуацию и, воспользовавшись ее доверием, взяли у нее деньги. Но он в этих отношениях выступает как медиатор. Есть группа третьих лиц, которые вели с его

доверителем переговоры на стороне об оказании ей юридической помощи. К адвокату К. Н. приехала для заключения соглашения, но за его спиной (о чем ему стало известно уже позже) эти третьи лица взяли у нее деньги, в том числе, составив расписку на 6 000 000 рублей. Впоследствии они «вытащили» из нее еще деньги, в связи с чем она обращалась в правоохранительные органы. С указанной группой людей он находится в диалоге по поводу того, чтобы они возместили Н. ущерб. «Расписку о возврате денежных средств» он забрал у третьих лиц для подтверждения того, что они выплачивали Н. деньги по договоренности – как забирали, так и возвращали.

На вопрос, с чем именно он в таком случае согласен в выводах Квалификационной комиссии, пояснил, что согласен «с каждым пунктом итога заключения Комиссии»: что в кассу адвокатского бюро было внесено 120 000 рублей, а остальные 5 880 000 рублей им не были оприходованы, и на эту сумму была выдана расписка, но при этом этих денег он не видел и в руках не держал. Один из упоминавшихся им третьих лиц работал в качестве его помощника в адвокатском бюро. Поэтому он признает, что «недостаточно обеспечивал доступ к реквизитам адвокатского бюро, не обеспечил сохранность печати, при которых возможно было бы составление данных документов» за его (адвоката К.) спиной. Он также согласен с выводом Квалификационной комиссии о его самоустраниении от защиты сына заявителя Н. Признает, что допустил ошибку при оформлении соглашения с Н. в части его исполнения. Он привлек к работе по делу адвокатов, которые были членами его адвокатского бюро, и адвокатов, находившихся в «стадии перехода в бюро», которые при оказании юридической помощи Не. «вышли на некоторый результат». Его работа содержит определенные дефекты, и их Квалификационная комиссия как раз изложила в своем заключении. Согласен с тем, что вся совокупность его поведения по существу к адвокатской деятельности отношения не имеет. Он очень сильно переживает, и это для него не стандартная практика, а небольшой опыт в качестве руководителя адвокатского бюро. Произошедшее заставило его критически пересмотреть принимаемые управленческие решения и степень личного контроля за финансовыми и договорными вопросами. В полной мере осознает, что вся ответственность за возникшую ситуацию лежит на нем. Его недостаточный контроль «привел к тем последствиям, которые рассматриваются сегодня на Совете». На мировое соглашение он не мог пойти, поскольку требования Н. были избыточными и составляли 16 000 000 рублей. Это непосильно и не соответствует фактическим обстоятельствам дела. Кроме того, Н. до настоящего момента не обращалась в адвокатское бюро с требованием возврата денег по распискам.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве СУ УМВД России по городскому округу Х. находилось уголовное дело №... по обвинению Не. по ч. 4 ст. 159 УК РФ. 22 января 20..года между Н. и адвокатом К. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ... (*далее – Соглашение*). Из текста Соглашения следует, что оно заключено между адвокатами Адвокатского бюро города Москвы «Ю.» в лице управляющего партнера К., действующего на основании Устава, именуемого в дальнейшем как «Исполнитель», и Н., именуемой в дальнейшем «Доверитель». В соответствии с п. 1 Соглашения, Исполнитель обязуется оказать юридическую помощь Не. на предварительном следствии по уголовному делу в СУ УМВД России по городскому округу Х.. В соответствии с п. 3.1 Соглашения, гонорар адвоката устанавливается в размере 20 000 рублей в месяц. Н. была выдана квитанция к приходному кассовому ордеру от 22 января 20.. года № ..., в соответствии с которой от нее в качестве оплаты вознаграждения адвоката по Соглашению за 6 месяцев принято 120 000 рублей.

08 февраля 20.. года Не. подал заявление на имя следователя Ку., в котором указал, что желает, чтобы его защиту осуществлял адвокат Д., отказываясь при этом от защитника – адвоката М.. В тот же день Адвокатским бюро города Москвы «Ю.» адвокату Д. был выдан Ордер от 08 февраля 20.. года № .. на защиту Не. в СУ УМВД России по городскому округу Х. Московской области.

12 февраля 20.. года Не. с участием адвоката Д. было предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого. В тот же день Не. и адвокат Д. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу.

В период с 14 по 29 февраля 20.. года следователем осуществлялось ознакомление Не. и его защитников – адвокатов Д., Ки. и До. с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ.

25 февраля 20.. года адвокату Ки. был выдан и представлен им следователю Ордер № ... на защиту Не. в СУ УМВД России по городскому округу Х. Московской области. Ордер выдан «Адвокатским кабинетом» на основании соглашения от 25 февраля 20.. года. В тот же день Не. в присутствии адвоката Ки. подал следователю Ку. заявление об отказе от защитника Ки., поскольку его защиту осуществляет адвокат Д.

28 февраля 20.. года Коллегией адвокатов города Москвы «Б.» адвокату До. был выдан Ордер №... на защиту Не. на стадии предварительного расследования. 29 февраля 20.. года Не. подал следователю Ку. заявление об отказе от защитника – адвоката Д.

14 марта 20.. года Не. и его защитник – адвокат До. вновь были уведомлены в порядке, предусмотренном ст. 215 УПК РФ, об окончании следственных действий по уголовному делу, после чего в период с 15 по 22 марта 20.. года они ознакомились с материалами уголовного дела.

С 26 марта по 24 июня 20.. года уголовное дело № ... по обвинению Не. по ч. 4 ст. 159 УК РФ находилось в производстве Х. городского суда Московской области, где защиту Не. осуществляли адвокат До. (Ордер от 05 апреля 20.. года № ..., выданный Адвокатским бюро города Москвы «Ю.») и адвокат Г. (Ордер от 15 мая 20.. года № ..., выданный Коллегией адвокатов города Москвы Ч.). Приговором Х. районного суда города Москвы от 24 июня 20.. года Не. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на 5 лет. На основании ст. 73 УК РФ суд постановил назначенное наказание считать условным. На указанный приговор осужденным Н. и его защитниками – адвокатами Г. и До. были поданы апелляционные жалобы. 05 сентября 20.. апелляционным определением Московского областного суда приговор оставлен без изменения, апелляционные жалобы – без удовлетворения. В заседании суда апелляционной инстанции защиту Не. осуществляли адвокаты Г. и До.

Заявитель Н. выдвинула против адвоката К. ряд дисциплинарных обвинений.

В первую очередь Н. сообщила, что изначально адвокат К. запросил 6 000 000 рублей за оказание юридической помощи ее сыну – Не. на стадии предварительного расследования, а после получения денежных средств в этой сумме выдал Н. квитанцию к приходному кассовому ордеру на сумму 120 000 рублей и расписку на сумму 5 880 000 рублей. В подписанным с ней Соглашении об оказании юридической помощи он указал размер вознаграждения адвоката 20 000 рублей в месяц. Позднее адвокат К. заявил Н. о необходимости доплаты за оказание юридической помощи Не. еще 10 000 000 рублей и получил от нее через третьих лиц указанную сумму без оформления каких-либо документов.

По поводу денежных расчетов заявителя Н. с адвокатом К. в результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

Н. была выдана расписка о получении денежных средств от 22 января 2024 года, в соответствии с которой Адвокатское бюро города Москвы «Ю.» в лице управляющего партнера К. получило от Н. денежные средства в размере 5 880 000 рублей. На расписке имеется неразборчивая подпись с рукописной расшифровкой «К.» и отиск печати Адвокатского бюро города Москвы «Ю.». Обстоятельства передачи адвокату К. денежных средств в размере 6 000 000 рублей в счет оплаты вознаграждения по Соглашению в ходе встречи, состоявшейся 22 января 20... года, были подробно изложены в ходе дисциплинарного разбирательства не только заявителем Н., но и свидетелем П., участвовавшей в этой встрече. Факт ее участия во встрече подтвердил и адвокат К.

Опрошенная по ходатайству заявителя Н. свидетель П. сообщила, что она присутствовала на двух встречах Н. с адвокатом К. Первая встреча состоялась зимой 20.. года в офисе его адвокатского образования. Предварительно П. и Н. собрали денежные средства, поскольку Н. сказала, что некий «А.» от имени адвоката К. сообщил, что на встречу необходимо

приехать с денежными средствами в размере 6 000 000 рублей, и без оплаты соглашение заключено не будет. «А.» также сообщил, что сотрудничает с Адвокатским бюро «Ю.», и он договорился с адвокатом К., назвал адрес и время, когда нужно будет приехать в офис для знакомства с адвокатом К.

Об условиях заключения соглашения на защиту сына Н. П. было известно, поскольку эту семью она знает давно, и Н. занимала у нее 2 000 000 рублей для оплаты адвокату К. юридической помощи. На встрече присутствовали еще несколько человек: «Я.» и «А.», познакомивший Н. и П. с адвокатом К. Адвокат К. пригласил бухгалтера, тот пересчитал денежные средства, и адвокат К. составил расписку. Сумма денежных средств составляла 6 000 000 рублей, из которых 5 880 000 рублей были уплачены за «юридические услуги иного характера», а 120 000 рублей составила оплата юридической помощи адвокатов, которые должны были присутствовать на судебных заседаниях.

При предъявлении П. расписки о получении денежных средств от 22 января 20.. года она подтвердила, что именно эта расписка составлялась в ее присутствии. Адвокат К. заполнил расписку непосредственно при ней (П.). Адвокат К. сказал, что он не всегда сможет присутствовать лично, тогда делом будут заниматься его помощники, которые будут ему все докладывать. Он также сообщил, что сумма в размере 5 880 000 рублей не будет оформлена, чтобы не оплачивать налоги. Эта сумма предназначалась для «решения вопросов», и адвокат К. пояснил, что Н. и П. не нужно знать, с кем они будут решаться. П. убедилась в наличии подписи в расписке и попросила поставить печать организации. Она, правда, не обратила внимания, что в расписке не заполнена графа о передаче денежных средств. Впоследствии П. также присутствовала при передаче денег, состоявшейся в доме Н. От адвоката К. приехал человек и сказал Н., что он «от В. (адвоката)», после чего Н. передала ему 10 000 000 рублей. П. настаивала на составлении расписки, но ее не послушали.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат К. по собственной инициативе представил копию «Расписки о возврате денежных средств» от 10 сентября 20.. года, согласно которой Адвокатским бюро города Москвы «Ю.» в лице Управляющего партнера К. и Н. подтверждено составление долговой расписки, «по которой гр. Н. передавала АБ «Ю.» денежные средства в сумме в размере 5 880 000,00 (пять миллионов восемьсот восемьдесят тысяч) рублей». Здесь же имеется удостоверенная подписью Н. запись следующего содержания: «Я, Н. , подтверждаю, что получила от АБ «Ю.» денежные средства в сумме 3 000 000 (три миллиона) рублей, переданные по долговой расписке от 22.01.20.. г. Претензий по частичному исполнению обязательств не имею».

При изложенных обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает доказанным факт получения адвокатом К. от заявителя Н. денежных средств в размере 5 880 000 рублей, которые не были внесены в кассу адвокатского образования. Этот вывод подтверждается совокупностью собранных в ходе дисциплинарного

производства доказательств, а именно: пояснениями Н., «Распиской о получении денежных средств» от 22 января 20.. года, пояснениями свидетеля П., «Распиской о возврате денежных средств» от 10 сентября 20.. года, полным согласием адвоката К. с выводами Квалификационной комиссии. Совет признает правильным вывод Квалификационной комиссии о том, что действия адвоката К., в том числе и как управляющего партнера Адвокатского бюро города Москвы «Ю.», свидетельствуют о фактическом признании им подлинности расписки от 22 января 20.. года и получении в общей сложности 6 000 000 рублей от Н. в указанную дату.

Совет отклоняет как несостоятельные и надуманные утверждения адвоката К. о том, что он «не брал деньги в руки», а Н. обманывали «за его спиной» некие «третий лица», имевшие доступ не только в помещение адвокатского образования, но и к его печати, а также к доверителям адвоката К. Как указано выше, и заявитель Н., и свидетель П. последовательно и уверенно утверждают, что именно адвокат К. запросил 6 000 000 рублей и получил их в своем офисе, выдав расписку на 5 800 000 рублей.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниями пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исполнении адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем Н., выразившемся в том, что, согласовав с доверителем Н. в устной форме вознаграждение за осуществление защиты ее сына Не. на стадии предварительного расследования в размере 6 000 000 рублей, он 22 января 20.. года получил от нее указанную сумму полностью, при этом заключил с Н. в письменной форме Соглашение об оказании юридической помощи от 22 января 20.. года № ..., в п. 3.1 которого указал, что вознаграждение адвоката за оказание юридической помощи устанавливается в размере 20 000 рублей в месяц, а также выдал Н. квитанцию к приходному кассовому ордеру от 22 января 20.. года № ... на сумму 120 000 рублей в качестве оплаты ею вознаграждения адвоката за 6 месяцев работы и расписку о получении 5 880 000 рублей, не внеся указанную сумму в кассу адвокатского образования.

В то же время, доказательства передачи адвокату К. денежных средств в размере 10 000 000 рублей заявителем Н. представлены не были, а ее собственные объяснения и объяснения свидетеля П. в отсутствие других доказательств не могут быть положены в основу вывода о получении адвокатом К. указанных денежных средств. Согласно п. 1 ст. 162 ГК РФ несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. Однако заявителем Н. не представлено письменных доказательств согласования с адвокатом К. условия о выплате дополнительного вознаграждения за осуществление защиты ее сына на предварительном следствии в размере 10 000 000 рублей. При этом адвокат К. факт передачи ему Н. через третьих лиц 10 000 000 рублей отрицает.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части доводов жалобы о передаче Н. адвокату К. дополнительно 10 000 000 рублей.

Переходя к рассмотрению дисциплинарного обвинения в том, что, несмотря на данное обещание лично осуществлять защиту Не. на стадии расследования уголовного дела № ..., адвокат К. не осуществлял его защиту, для участия в следственных действиях не являлся, никакой юридической помощи Не. в период с 23 января 20.. года по 14 марта 20.. года не оказывал, Совет отмечает следующее.

В соответствии с п. 3 ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», соглашение об оказании юридической помощи с доверителем заключается управляющим партнером адвокатского бюро или иным партнером от имени всех партнеров на основании выданных ими доверенностей. В соответствии с пп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (проверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате относится к существенным условиям соглашения об оказании юридической помощи. Указанное положение не содержит каких-либо исключений для соглашений об оказании юридической помощи, заключаемых в адвокатских бюро.

Из текста Соглашения следует, что оно заключено между адвокатами Адвокатского бюро города Москвы «Ю.» в лице управляющего партнера К., действующего на основании Устава, именуемого в дальнейшем «Исполнитель», и Н., именуемой в дальнейшем «Доверитель». Никаких указаний на иных адвокатов Адвокатского бюро города Москвы «Ю.», принявших исполнение поручения, в Соглашении не содержится.

В соответствии с п. 1 Соглашения, Исполнитель обязан оказать Доверителю юридическую помощь Не. на предварительном следствии по уголовному делу в СУ УМВД России по городскому округу Х. Московской области. При этом сам адвокат К. признает, что именно он являлся адвокатом-исполнителем поручения, предусмотренного Соглашением. Так, в письменных объяснениях от 02 марта 20.. года он указывает: «было заключено соглашение № ... об оказании юридической помощи в интересах ее сына, Не., мной». Таким образом, именно адвокат К. принял исполнение поручения на осуществление защиты Не. Однако, как достоверно установлено в ходе дисциплинарного разбирательства, адвокат К., приняв на себя защиту Не., в уголовное дело № ... не вступил и никаких полномочий защитника не осуществлял.

Как указано выше, защиту Не. в период с 08 февраля 20.. года по 29 февраля 20.. года осуществлял адвокат Д., с участием которого Не. было предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого. В период с 28 февраля 20.. года по 22 марта 20.. года защитником Не. был

адвокат До., с участием которого осуществлялось ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ. При этом адвокат До. на момент вступления в уголовное дело состоял в другом адвокатском образовании (Коллегии адвокатов города Москвы «Б.»), а в Адвокатское бюро города Москвы «Ю.» был принят лишь 11 марта 20.. года. Адвокат Ки., чей ордер также имеется в материалах уголовного дела, и который, по утверждениям адвоката К., также был «назначен» им для защиты Не., вообще никогда не состоял в Адвокатском бюро «Ю.», при этом от адвоката Ки. обвиняемый Не. отказался в день его вступления в уголовное дело. Это обстоятельство опровергает утверждение адвоката К. о том, что замена адвокатов – защитников Не. производилась им с согласия самого Не. и была направлена на реализацию выбранной стратегии защиты. Совет также отмечает, что наличие в Соглашения пункта 2.2, предусматривающего право адвоката-исполнителя привлекать третьих лиц для выполнения поручения с согласия доверителя, ни в коей мере не освобождало адвоката К., принявшего поручение на защиту Не., от личного участия в исполнении этого поручения, поскольку трети лица могли привлекаться к его исполнению только наряду с самим адвокатом К., но никак не вместо него. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и не соответствующий требованиям закона и профессиональной этики довод адвоката К. о том, что управляющий партнер адвокатского бюро, указав себя в соглашении об оказании юридической помощи в качестве адвоката-исполнителя, в дальнейшем без предварительного письменного согласования с доверителем может устраниться от непосредственного исполнения принятого им поручения, «перепоручая» его исполнение иным партнерам бюро, не указанным в соглашении в качестве адвокатов-исполнителей. Такое перепоручение тем более невозможно иным адвокатам, не состоящим в адвокатском бюро.

По этим причинам одностороннее изменение адвокатом К. существенных условий Соглашения, а именно его «самозамена» в качестве защитника Не. другими адвокатами бюро в отсутствие соответствующих письменных изменений и дополнений Соглашения, а также перепоручение принятого на себя обязательства по защите Не. адвокату, не входящему в Адвокатское бюро «Ю.», не может быть признано надлежащим исполнением адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем Н. При этом именно адвокат как профессиональный участник отношений между ним и доверителем несет полную ответственность за надлежащее урегулирование и документальное закрепление этих отношений.

Вместе с тем, как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, адвокат К. в уголовное дело №... в качестве защитника Не. не вступил, никаких юридически значимых действий по защите Не. не осуществлял. Фактически адвокат К. самоустранился от принятой на себя защиты Не., что он и признал полностью в заседании Совета.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем Н., выразившемся в том, что, заключив с Н. 22 января 20.. года соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее осуществление им защиты Не. по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве СУ УМВД России по городскому округу Х. Московской области, на стадии предварительного расследования, адвокат К. самоустранился от его защиты, перепоручив защиту доверителя Не. в период с 08 февраля 20.. года по 29 февраля 20.. года адвокату Адвокатского бюро «Ю.» Д. без оформления Дополнительного соглашения к ранее заключенному Соглашению от 22 января 20.. года № ..., а затем и адвокатам До. и Ки., не являвшимся партнерами Адвокатского бюро «Ю.».

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенные нарушения, Совет учитывает их системный, умышленный и грубый характер, свидетельствующий о злостном игнорировании основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и профессиональной этики. Адвокат К., являющийся к тому же управляющим партнером адвокатского бюро, не только не обеспечил надлежащую формализацию отношений с доверителем Н., но и как адвокат, принявший поручение доверителя, уклонился от исполнения обязанности по оказанию квалифицированной юридической помощи Не., находившемуся под стражей в связи с привлечением к уголовной ответственности. Совет оценивает профессиональное поведение адвоката К. как недопустимое и несовместимое со статусом адвоката. С учетом установленных и описанных выше обстоятельств Совет полагает, что адвокат К. при осуществлении профессиональной деятельности руководствуется целями и мотивами, не связанными с ее назначением и существом профессии адвоката. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката и не находит оснований для применения к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как с учетом тяжести нарушений и необходимости обеспечения требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что это могло бы создать ложное впечатление о совместимости подобного поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии

при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности К., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Н., выразившееся в том, что, согласовав с ней в устной форме вознаграждение за осуществление защиты ее сына Не. на стадии предварительного расследования в размере 6 000 000 рублей, он 22 января 20.. года получил от нее указанную сумму полностью, при этом заключил с Н. в письменной форме Соглашение об оказании юридической помощи № ... от 22 января 20.. года, в п. 3.1 которого указал, что гонорар адвоката, являющийся вознаграждением за оказание юридической помощи по Соглашению сторон, устанавливается в размере 20 000 рублей в месяц, а также выдал Н. квитанцию к приходному кассовому ордеру от 22 января 20.. года № ... на сумму 120 000 рублей в качестве оплаты ею вознаграждения адвоката за шесть месяцев работы и расписку о получении 5 880 000 рублей, не внеся указанную сумму в кассу адвокатского образования;

– неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем Н., выразившееся в том, что заключив с Н. 22 января 20.. года соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее осуществление им защиты Не. по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве СУ

УМВД России по городскому округу Х. Московской области, на стадии предварительного расследования, он самоустранился от защиты Не., перепоручив ее осуществление в период с 08 февраля 20.. года по 29 февраля 20.. года адвокату Адвокатского бюро «Ю.» Д. без оформления Дополнительного соглашения к ранее заключенному Соглашению от 22 января 20.. года № ..., а затем и адвокатам До. и Ки., не являвшимися партнерами Адвокатского бюро «Ю.».

Установить в отношении К. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Н. от 15 февраля 20.. года (вх. № ... от 20.02.20..), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков